

Он погладил гладкий подбородок и с полной уверенностью усмехнулся:

— У меня есть свой чудесный замысел.

Управляющему Цзи ужасно хотелось узнать, что на этот раз придумал молодой хозяин, но Цуй Се словно в рот воды набрал. Как тот ни расспрашивал, Цуй Се не обронил ни слова, заставив управляющего лишь досадно чесать затылок.

Впрочем, с тех пор как Цуй Се взялся за книжную лавку, всего за два месяца он превратил убыточное заведение, вынужденное сдавать со двора помещения, в процветающую лавку, приносящую горы золота каждый день. Казалось, ему на роду написано привлекать богатство. У самого управляющего такой денежной жилки не было, так что вместо того чтобы из кожи вон лезть в поисках заработка, лучше уж позволить приносящему удачу молодому хозяину действовать самому — у него всё равно любой замысел обернётся добром.

Поскольку через руки управляющего Цзи теперь проходили тысячи лянов серебра, он мог действовать размахисто: нанял ещё пять-шесть временных работников для резки печатных досок. Старые мастера, получив сверхурочные и премии, тоже с воодушевлением взялись за дело и вместе со своими сыновьями и учениками допоздна трудились в небольшой мастерской на заднем дворе усадьбы Цуй: вырезали доски, наносили краски, тщательно вычитывали и печатали.

К концу десятой луны эта любовная повесть о божествах и демонах, объединившая четыре истории, вокруг которой так долго нагоняли ажиотаж, наконец была отпечатана.

Текст составили произведения четырёх авторов. У каждого рассказа было своё название, но общего заглавия для сборника не имелось, поэтому Цуй Се сам нарек его «Записки о собранных ароматах». Разместив их по порядку: божество, бессмертная, демон и призрак, — он объединил в одно целое четыре совершенно не связанных между собой сюжета.

Книга была издана в подарочном переплёте: обложка обтянута белым шёлком, а углы защищены красным. Три крупных иероглифа «Записки о собранных ароматах» на ярлыке обложки попросили каллиграфически выписать Тан Нина, а под ними стояла киноварная печать книжной лавки «Чжижун». На титульном листе внутри указывался адрес книжной лавки «Чжижун», а также, по традиции, красовалось предупреждение: «Выпущено кланом Цуй. Перепечатка запрещена, виновные будут привлечены к ответу, где бы они ни находились».

В книге заглавия и имена авторов четырёх произведений занимали по отдельной странице, а на обороте в углу была напечатана цветная иллюстрация распустившегося цветка в технике «мого»: деве-богине соответствовал пион, деве-бессмертной — орхидея, деве-демону — белая хризантема, а деве-призраку — селеницереус. Из пестиков в центре изображения поднималось облачко, огибавшее вертикальную чёрную рамку, внутри которой киноварью были отпечатаны иероглифы: «божественное творение», «бессмертное творение», «изысканное творение» и «таинственное творение».

К каждому из четырёх произведений прилагались две цветные иллюстрации с героинями, а также два разворота — где наконец появлялся главный герой — с крупными цветными рисунками. Не найдя у себя в памяти идеальных мужских образов, Цуй Се добрался до просмотренных в прежние годы сериалов в жанрах уся и сянься, выбрав четвёрку настоящих кумиров для иллюстраций.

В конце книги поместили стихи, оды и литературные рецензии, написанные Тан Нином и

другими талантливыми учёными; их напечатали синими чернилами, чтобы отделить от чёрного текста повести. К роману объёмом чуть более тридцати тысяч иероглифов добавили несколько тысяч слов комментариев и двадцать цветных гравюр, благодаря чему книга выглядела внушительно и полностью оправдывала подарочный переплёт и футляр.

В книге были и текст, и рецензии, и даже фанатские дополнения, а в каждый футляр вкладывался подарок — разворотная цветная картинка с одной из четырёх героинь (выпадавшая случайным образом). Однако, поскольку карточка с Ваньнин вышла раньше всех и продавалась лучше всего, Цуй Се побоялся, что читателям она покажется недостаточно новой, и решил уменьшить её тираж на треть.

Двадцать второго числа десятой луны была отпечатана первая партия книг.

На следующее утро на четырёх самых оживлённых улицах Цяньаня установили по высокому деревянному каркасу, на которых натянули свитки высотой в человеческий рост и шириной в три чи с изображениями красавиц. Рядом с картинами на белой бумаге с подкладкой из простого шёлка футными иероглифами было написано: «Двадцать пятого числа десятой луны Четыре красавицы ждут гостей со всех концов света в книжной лавке «Чжижун» нашего города, дабы вместе прочесть «Записки о собранных ароматах»». А чуть в стороне мелкими иероглифами добавлялось: «Изысканный футляр, к каждому прилагается одна большая картина в подарок. Цена: три лян девять цзиней серебра».

Двадцать четвёртого числа свитки перенесли к уездным учреждениям, к особнякам офицеров местного гарнизона и в западную часть города, где жили богатые семьи, и продержали там ещё день. А двадцать пятого спозаранку их установили у входа в книжную лавку «Чжижун».

Бумаги с изображениями этих четырёх красавиц продали уже немало, однако такие портреты во весь рост были крайней редкостью.

Даже свитки, вывешиваемые в главных залах, редко достигали таких размеров, да и фигуры в полный рост на них почти не писали — казалось, будто перед зрителями стоит живая красавица. Вокруг четырёх стендов яблоку негде было упасть: прохожие — чиновники, военные, простые горожане, зеваки и женщины — останавливались, чтобы поглазеть. Находились даже те, кто тут же бросал деньги, требуя продать им плакат.

Однако стенды охраняли не обычные приказчики, а слуги из дома господина Вана. Командир Правого караула Синчжоу был военным чиновником третьего ранга, обладал высоким статусом, а его слуги были крепкими и суровыми, благодаря чему им удалось благополучно уберечь все четыре стенда.

Двадцать пятого числа, ещё до рассвета, у книжной лавки «Чжижун» выстроилась длинная очередь из слуг и служанок знатных семейств, жаждущих успеть купить новую книгу.

Пятеро слуг из дома Вана с предельной настороженностью, словно предвидя бой, охраняли свитки, подвешенные на резных карнизах; управляющий Цзи вместе с приказчиком Цзи, двумя новыми молодыми приказчиками и счетоводом в напряжении ждали в лавке момента открытия; освободившиеся резчики досок со своими сыновьями на втором этаже готовились таскать товар из запасов; а Цуй Юань нанял нескольких грузчиков и пожилых женщин, чтобы те следили за порядком снаружи, а в случае происшествий сразу же бежали за стражниками из ямыня.

На стыке часов Дракона и Змеи с окон лавки вовремя сняли ставни. Внутрь тут же хлынула толпа, миготом оттеснившая приказчиков и заполнившая всё помещение так, что шагу ступить

было негде. Навалившись на стойку, отчего та зашаталась, люди наперебой закричали:

— Мне один экземпляр «Записок о собранных ароматах»! Скорее взвесьте моё серебро!

— А у меня серебро уже нарезано, ровно четыре лян! Сдачу оставьте себе, продайте сначала мне!

— Нашему молодому господину нужно десять комплектов, вот четыре цельных слитка! Не дадите ли в подарок набор Бумаги красавиц из Троецарствия?

— Я пришёл за Бумагой красавиц из Троецарствия, книга мне не нужна, пропустите меня первым!

Книжная лавка внутри и снаружи была забита до отказа, а вдоль дороги толпились зеваки, не собиравшиеся ничего покупать, но пришедшие полюбоваться на портреты красавиц. Местные старосты и надзиратели квартала явились без приглашения и в тревоге следили с обочины, боясь, как бы в такой давке не случилось беды.

Цуй Юань ещё дома не раз просчитывал подобное развитие событий, поэтому тут же кликнул грузчиков и старух разгонять толпу и выстраивать покупателей в очередь, чтобы никто не цеплялся к женщинам в давке и не орудовали карманники. Пэн Янь снаружи приглядывал за слугами знатных семей, пришедшими за крупными заказами, и сразу приглашал их в соседнюю чайную, где их встречал приказчик Фан, — так удавалось избежать того, чтобы эти слуги, прикрываясь статусом господ, разгоняли обычных покупателей.

Пока все в лавке и на улице крутились изо всех сил, Цуй Се, стоявший за всем этим грандиозным замыслом, даже не думал следить за продажами. Встав ни свет ни заря, он отправился на ипподром семьи Ван кататься на лошади.

Ван Сянчжэнь, для которого было большой редкостью встать так рано, хотел отправиться в лавку и посмотреть, как идут дела, но, услышав от слуг, что Цуй Се всё ещё на их ипподроме, решил сперва заехать к нему.

Увидев, с каким невозмутимым видом Цуй Се увлечённо ездит верхом, старший молодой господин Ван не выдержал и поспешил остановить его:

— Не зря говорят: «Император не спешит, а евнух с ног сбивается»! Я сегодня даже спать не мог, встал спозаранку, чтобы присмотреть за твоей лавкой, а ты тут не спеша гарцуешь на коне?

Цуй Се ловко соскочил с лошади, погладил жеребца по шее и с улыбкой ответил:

— Вот именно потому, что брат Ван обо всём беспокоится, я и могу спокойненько ездить верхом. Спасибо, брат Ван, что одолжил мне людей на эти два дня охранять свитки. А не то их точно сорвали бы и купили силой, а новые я бы так быстро не нарисовал.

Ван Сянчжэнь гордо вскинул подбородок:

— Это я помог тебе не просто так! Все четыре портрета потом отдашь мне.

Цуй Се ответил:

— Разумеется. А если они успели испачкаться или помяться, пока висели на улице, я напишу

для тебя новые.

Молодой господин Ван усмехнулся:

— Раз так, мне даже захотелось, чтобы их испачкали! Просчитался я, просчитался! Знал бы — не велел бы охранять так строго, глядишь, выгадал бы себе ещё пару новых картин.

Посмеявшись, он отвёл Цуй Се в комнату и негромко подсказал:

— Позже напиши на этих картинах пару строк, поставь подпись и печать. Мой отец собирается преподнести эти портреты красавиц вышестоящему начальству. Твоя живопись самобытна, кто знает — вдруг высокопоставленному чиновнику они придутся по душе? Если, даст Бог, удостоишься благосклонного взгляда господина помощника начальника округа, то, глядишь, твоя слава художника и до самой столицы дойдёт.

...Ну и ну! «Кто знает», «даст Бог»... Если молодой господин Ван так не уверен в его картинах, то зачем тогда его отцу дарить их начальству? Или он думает, что начальник использует портреты в полный рост как огромную подушку для обнимашек или куклу?

<http://bllate.org/book/18372/1761279>